

Алексей ВАРФОЛОМЕЕВ/РИА Новости

Алесь Адамович (справа) и Даниил Гранин после выхода «Блокадной книги» часто устраивали встречи с ветеранами. На фото они с одной из героинь произведения Евгенией Строгановой.

Евгения КОРОБКОВА

3 сентября исполнилось бы девяносто лет писателю, создавшему «Хатынскую повесть» и «Блокадную книгу» в соавторстве с Даниилом Граниным.

Один из величайших гуманистов XX столетия, Алесь Адамович открыл нам то, на чем стоит современная культура. Это он рассказал миру о трагедии Хатыни, первым заявил о начале эры нон-фикшн в литературе. Элем Климов снял по его сценарию фильм «Иди и смотри», ставший классикой мирового кинематографа.

ПАРЕНЬ ИЗ ГЛУШИ

Парню из Глуши (так называлась его родная белорусская деревня) было всего пятнадцать лет, когда он взял ружье и ушел партизанить. На задания отправлялся, пока мама, фельдшер аптеки, лечила раненых бойцов. Обычно аптекари подвергались жесточайшему контролю, но Анне Митрофановне немцы доверяли - она была из обиженных, раскулаченных советской властью.

Уже в мирное время, в день похорон Анны Митрофановны, благодарные односельчане

пронесут гроб с ее телом по поселку и на вытянутых руках будут держать его возле аптеки, где она работала много лет.

Мать пыталась уберечь детей. И эта дата - 3 сентября 1927 года - не настоящий день рождения Алеся. Записала, будто он на пару лет моложе, чтобы не отпускать на фронт. Но, как и героиня фильма «Иди и смотри», удержать сына возле себя не смогла.

СТРАХ ВОЙНЫ

«Оказывается, быть партизаном - это все время куда-то идти. Поел, если повезло, поспал, если удалось, и снова идешь, идешь, ощущая заостряющуюся боль под лопаткой - с той стороны, где тяжесть винтовки», - писал в своих книгах Алесь, как жили белорусские партизаны. Как, положив грязь в платочек, выжимали из нее воду, как плавили самолетную обшивку и делали из нее ложки, как сами добывали себе оружие, снимая его с мертвого врага...

Противник не щадил пленных. «О партизанах, которые попали в руки немцам живыми, - говорили с внутренним содроганием». Поэтому вместе с патронами Алесь всегда носил гранату. Мысленно не

Алесь АДАМОВИЧ:

НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД ТЕМ, КТО КРИЧИТ О ПОЖАРЕ

раз отгибал чеку, выдергивал, чувствуя стальную упругость пластины. «Когда твоя жизнь, твоя смерть у тебя в руке, уже не так страшна чужая лютость, жестокость».

Но он выжил. Стал величайшим пацифистом и гуманистом.

- Больше всего муж боялся третьей мировой, - вспоминает жена писателя **Ирина Ковалева**. - Я видела, как у него накатывались слезы, когда началась бомбардировка Ирака. С ужасом смотрел на экран, опасаясь, что это может быть началом войны. После Хиросимы был потрясен тем, что в один миг сразу все человечество могло стать смертным, а не просто отдельный человек или даже народ.

Над его страхами даже посмеивались, считали, что это мания воевавшего. Адамович парировал: «Люди сидят на балкончике, чай пьют, а внизу носится смешной человек, руками машет. Им смешно. А смешной человечек кричит им: пожар, спасайтесь!»

«В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ НЕ ДОЕДЕТЕ...»

В 80-е Алесь стал известным писателем, общественным деятелем, ко мнению которого прислушивались. Многие в СССР знали его в лицо, так как в перестроечное время передачи с ним показывали чуть ли не каждый день.

«Да остановите уже своего Алеся», - сказал в сердцах **Даниила Гранина** президент **Горбачев** после того как тот на Первом съезде народных депутатов забросал его записками с просьбами дать слово. После этого в газетах вышли статьи с заголовком: «Кто и когда остановит Адамовича?»

Правдоруба было не останавливать. Адамович выступал за рубежом, собирал огромные аудитории, не стеснялся

говорить правду руководству страны. Он помог донести властей, насколько сильно после чернобыльской катастрофы пострадала Беларусь.

- Алесь отличало умение «истину царям с улыбкой говорить», - говорит **Ирина Ковалева**. - В очередной раз, когда приехал из Минска с письмами к Горбачеву с информацией о радиации от ученых и экологов, ему сказали: «В следующий раз не доедете...» Но он не отступил.

НЕ ВЫДЕРЖАЛО СЕРДЦЕ

Последние годы жизни Адамович жил в Москве. Стал директором института киноискусства. Писал статьи для газет. Было много планов. Но неожиданная смерть в 69 лет не дала им сбыться.

Близкие знают, как тяжело Адамович работал - пропускал через себя. Его бросало то в жар, то в холод.

- Алесь тяжело представлял войну. Поэтому и сердце не выдержало, - говорит **Ирина**.

«Как вы там без меня?», - спрашивает Алесь с последних кадров, снятых женой в больничной палате.

Мы по-прежнему боимся правды, Алесь.

Еще один тандем сложился у писателя с режиссером **Элемом Климовым** (слева), снявшим культовый фильм «Иди и смотри».

С ПРАВДОЙ
ПО ЖИЗНИ

Миллион в потайном кармашке

Друзья об Адамовиче говорили, что он был «очень порядочным человеком, верящим в порядочность других». Что удивительно, такое отношение будто перепрограммировало тех, кто честным не был.

- Всегда удивлялась, как так выходило, - вспоминает жена **Ирина**. - Однажды он позвонил главному московскому начальнику - председателю Моссовета. В приемной нелюбезно ответили, что того нет. «Хорошо, скажите ему, что это Алесь Адамович, пусть он мне наберет, когда придет». Я засмеялась: как можно быть таким наивным? Кто тебе будет перезванивать? Алесь растерялся: «А что такого? Человека нет на месте, придет, перезвонит». Удивительно, но через двадцать минут действительно раздался звонок. Муж сиял: «Ну вот видишь!»

Отовсюду, где бы ни находился, Адамович привозил лекарства, выбивал нуждающимся помощь в лечении. И из-за собственной открытости не раз мог пострадать. Однажды в Японии ему собрали огромную сумму для помощи минской больнице.

- Держали все в секрете, я сама тайный карман к одежде пришивала, - продолжает **Ковалева**. - А в день отъезда

в газете выходит статья с заголовком

«Адамович - миллионер». Я похолодела.

Оказалось, муж сам рассказал журналистам, что везет японские деньги. К счастью, доехал без приключений.

ПИСАТЕЛЬ ИЛИ ДОКУМЕНТАЛИСТ?

Мало кто знает, что именно Адамович внедрил и популяризировал в литературе жанр вербатим (от латинского «дословно»). Благодаря новому методу на стыке писательства и журналистики Адамовичу удалось сделать то, чего не делали до него.

- Первым из писателей стал использовать магнитофон. Придумал ходить по деревням и записывать на ленту страшные свидетельства войны. Так создана его книга «Я из огненной деревни», - говорит **критик Евгений Ермолин**. -

Критиковали, мол, это в чистом виде публицистика. Он ответил, что «эпоха вымысла подходит к концу, наступает время документального свидетельства, время сверхлитературы». Сегодня, в эпоху расцвета жанра нон-фикшн, такие претензии кажутся смешными. Тогда это заявление вызвало настоящий шок.

С помощью того же магнитофона Адамович в соавторстве с **Даниилом Граниным** создал самое знаменитое свое произведение - «Блокадную книгу». Хотя оно

ВЕЛИСЬ СПОРЫ

могло и вовсе не появиться.

«Когда приехал Алесь и предложил писать книгу, я отказался, - рассказывал **Даниил Гранин**. - Я считал, что знаю, что такое блокада. Ну голод, ну обстрел, ну бомбежка... Он долго уговаривал. Наконец, поскольку у нас были дружеские отношения, упрямил хотя бы послушать рассказ знакомой блокадницы. Ей было восемнадцать лет... у нее был роман. Полк ее жениха стоял где-то в районе Шушар. Она носила ему сухари, варенье, рукавички...

Ходила шестнадцать километров, умаливала патрули, которые строго-настрого штатских не пропускали. То был удивительный пример любви. Я увидел, что существовала во время блокады неизвестная мне жизнь. Трогательная, страшная, необычная».

Так в середине 1970-х они взяли магнитофон и пошли по городским квартирам в поисках переживших войну ленинградцев. Гранин до этого никогда не работал в соавторстве. Ему это казалось странным.

«К тому же Адамович не ленинградец. Он белорус. Но, как потом выяснилось, это имело и свои преимущества. Его наивный и совершенно свежий взгляд на город помогал ему увидеть то, что для меня давно стерлось».

Две сотни отдельных рассказов-судеб, собранные в единое целое. Произведение так разозлило партийных начальников, что долгие годы Адамовича не печатали в ленинградских издательствах. Да и сама книга увидела свет (и то не полностью) в 1984 году, когда в Ленинграде сменился градоначальник.